

ИСТОРИЧЕСКИЕ ГРАНИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ HISTORICAL EDGES OF POLITICAL PROCESSES

Серия «Политология. Религиоведение»
2011. № 1 (6). С. 123–135
Онлайн-доступ к журналу:
<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

УДК 352(571.1/.5)(091)

Степные думы Сибири: исторический опыт самоуправления в имперской системе власти*

А. А. Борисов, Л. М. Дамешек

*Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск
Иркутский государственный университет, г. Иркутск*

В сравнительно-историческом аспекте рассматриваются особые формы инородческого самоуправления – степные думы бурят, хакасов, якутов, эвенков Забайкалья, существовавшие в Сибири в 1822–1904 гг. Выявляются общее и особенное в их формировании, структуре, деятельности и причинах ликвидации. Показано историческое значение степных дум Сибири.

Ключевые слова: управление и самоуправление инородцев Сибири, реформы, «Устав об управлении инородцев 1822 г.», степные думы, условия возникновения, структура, историческое значение.

Историко-типологические модели интеграции окраинных территорий в состав Российской Империи формировались и развивались на протяжении всего периода существования государства и отличались существенным разнообразием. В основе дифференцированного подхода правительства к окраинам и народам Европейской и Азиатской России лежали особенности геополитического положения конкретного региона, природно-климатические условия, этнический и религиозный факторы, сословный состав населения и др. На Востоке империи процесс властного освоения новых территорий в XVII в. претерпел существенные изменения. На смену военно-мобилизационным пришли политико-административные и экономические методы.

В исторической литературе территориальное расширение России обычно рассматривается как создание империи. Применительно к народам Сибири на первых порах процесс имперского строительства сопровождался обложением их данью (ясаком) в пользу государства. По мере втягивания аборигенов в общероссийскую систему государственных, экономических и иных связей на них были распространены и другие виды податных обязанностей, например земские, мало или ничем не отличающиеся от обычного крестьянского тягла. Следовательно, и сибирские аборигены, и русские крестьяне рассматривались

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант 09-01-62104а/Т.

правительством как подданные государства и должны были уплачивать соответствующие налоги на его содержание. Это обстоятельство принципиально отличало колонизационную политику России в Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не платили налоги и, в соответствии с конституцией США, не считались гражданами государства. США, продвигаясь с Востока на Запад, новые территориальные приобретения осуществляли путем покупки по договорам индейских земель, или же путем насильственного лишения индейцев их охотничьих угодий. В России, по мере ее продвижения с Запада на Восток, правительственные указы, наоборот, требовали не допускать столкновения колонистов и аборигенов из-за земли, что обеспечивало сибирским народностям возможность выполнения их основной обязанности по отношению к государству – уплаты ясака. Кроме того, в условиях малочисленности русского населения, огромной территориальной разбросанности и слабости русских административных и военных центров, потенциальной угрозы столкновения интересов России с государствами Центральной Азии и решения стратегической задачи – закрепления Сибири за Российским государством – московские, а впоследствии петербургские Романовы аборигенному фактору изначально отводили немаловажную роль. Характер взаимоотношений между аборигенами и русскими пришельцами оказал серьезное влияние на темпы продвижения русских к Тихому океану.

Продвижение русских на Восток не было исключительно русским явлением. Хронологически оно совпало со временем основания ангlosаксами первых европейских колоний на Североамериканском континенте. Рождающимся нациям было тесно в своих прежних границах. Однако темпы продвижения, методы освоения новых территорий, взаимоотношения с аборигенным населением в Сибири и на американском Западе существенно различались между собой. Продвижение русских на Восток сопровождалось распространением на новые территории общенационального политико-административного, хозяйственного и социокультурного уклада, «втягиванием», подчас противоречивым, но тем не менее, в общенациональную экономическую, политическую и социокультурную систему этих народов. В США же, наоборот, складывающаяся рыночная экономика молодого государства поглощала индейские племена [19, с. 8].

В первой четверти XIX в. в Сибири появляются степные думы (далее – СД) – уникальный опыт самоуправления коренных народов на уровне больших территориальных групп, объединявших улусы и аймаки тюркомонгольязычных и отчасти тунгусо-манчжурских народов. Своеобразие изучаемой проблемы заключается в том, что с приходом Московского государства в XVII в. иные формы управления и самоуправления, равно как и вожества должны были уступить место правящим институтам складывающейся империи. Но, как показывает ход развития исторических событий и явлений, с первых же лет своего господства Русское государство встало на путь инкорпорирования существовавших ранее форм социальной самоорганизации народов Сибири, в том числе и имеющих властные полномочия, в свой состав. Кроме того, царское правительство было вынуждено считаться с нор-

мами обычного права и некоторыми другими обычаями, регулировавшими жизнь этих народов. В целом, в историографии СД получили негативную оценку как орудие классовых интересов инородческой правящей элиты: это были «органы «степной аристократии», через которые нойоны помогали царской администрации угнетать рядовую бурятскую массу и вместе с тем сами беззащитно грабили своих «родовичей» [9, с. 423]. Хотя и было признано, что СД, по крайней мере, у хакасов способствовали этнической консолидации [9, с. 419].

В современной историографии концепции имперского регионализма на примере Сибири как одной из его моделей события и явления рассматриваются с точки зрения того, что законодательный механизм империи «как бы впитывал в себя те законодательные системы, которые приносили с собой новые земли и народы» [3, с. 317].

Целью настоящей статьи является сопоставить исторический опыт СД в разных частях Сибири и определить общее и особенное в их истории. В конечном счете, очень важно определить место СД в государственной системе, самоуправлении и в законодательстве Российской Империи¹.

Как показывает опыт исторических исследований, русская администрация довольно быстро установила контроль над социальными и потестарными институтами сибирских народов, присвоив себе как административную, так и судебную власть. Что касается законодательства, то долгое время здесь сохранялась благодатная почва для насилия и самоуправства царских чиновников: воевод и приказных людей. Напряженность вызывали частые разъезды ясачных сборщиков. Обращения депутации бурят, тунгусов, хакасов, якутов (1677, 1703, 1767 гг. и др.) на приеме к русским царям способствовали смягчению ясачного режима, и, самое главное, постепенно ограничили произвол чиновников, расширяя административные и судебные полномочия представителей инородческой элиты, которым было дозволено судить так называемые «малые дела» размером до пяти рублей.

Большое значение имела «Инструкция», данная русским посланником Саввой Владиславичем-Рагузинским пограничным дозорным Фирсову и Михалеву в 1728 г. по управлению в основном бурятского населения, некоторые пункты которой впоследствии были распространены и на другие народы, в том числе расположенные далеко на севере, в частности, на якутов² [20]. Развивалось и самоуправление, выходя за рамки кровно-родственных объединений. У бурят с 1743 г. появились «Степные конторы», а у якутов в 1720-х гг. произошло образование крупных подразделений – улусов, объединивших группировки прежних ясачных волостей.

На рубеже XVIII–XIX вв. назрела историческая необходимость провести реформу управления национальными окраинами, в частности, в Сибири. Во-

¹ В свое время в специальной статье мы имели возможность осуществить постановку данной проблемы. См. [2].

² Вообще, специалистам по истории якутов XVII–XIX вв. следует больше обращать внимания на историю бурят синхронного периода, ибо многие мероприятия правительства, относившиеся ко вторым, с точностью копировались в отношении первых.

лею судьбы ее суждено было провести выдающемуся государственному деятелю России М. М. Сперанскому, ставшему в 1819 г. сибирским генерал-губернатором [21]. Деление инородцев на три разряда: «бродячих», «кочевых» и «оседлых» отразило гибкость политики в отношении разношерстного населения Сибири. Кроме того, впервые были официально узаконены деловые отношения инородцев, а самое главное, подверглась кодификации правовая сфера. В результате была четко регламентирована система самоуправления, высшим уровнем которой стали СД. Если низшее звено – родовые управления регулировали кровно-родственные отношения, а среднее звено – инородные управы координировали деятельность таких группировок, как роды, фратрии, племена, существовавшие фактически до реформы, то СД выступали как крупные территориальные субъекты, объединяя значительные региональные группы – улусы и аймаки, насчитывавшие десятки тысяч населения.

«Устав об управлении инородцев» 1822 г., в разработке которого решающую роль сыграл один из руководителей специального комитета, будущий декабрист Г. С. Батеньков, четко регламентировал структуру, права и обязанности всех ступеней управления и самоуправления инородческих народов. Н. П. Ерошкин рассматривал степные думы в качестве одного из звеньев в системе управления бурятами, хакасами, эвенками, якутами – промежуточных между инородными управами и окружным начальством административно-хозяйственных сословных органов [6, с. 187–188]. Другими словами, думы были управленческими структурами в системе имперских институтов власти. Вместе с тем надо признать, что на содержание как дум, так и управ и родовых управлений денег из казны не отпускалось. Согласно параграфу 142, «старосты, помощники их, Головы, Выборные, Заседатели в Думах, Старосты на ярмарках и Главные Родоначальники не получают от Родовичей своих никакого жалованья; но исправляют должности по сим званиям, как общественную службу». О том же свидетельствуют параграфы 144 и 145, где говорится о том, что жалованье письмоводителю, строительство общественных зданий, содержание их, а также школ и покупка канцелярских материалов для них целиком зависит от воли родовичей [17].

Кроме того, в основе перечисленных структур лежали некоторые аборигенные формы власти и социальной самоорганизации, которые в любом случае выступали инородными, включенными органами в составе властных форм России в Сибири. По-видимому, их следует рассматривать в качестве одной из форм самоуправления.

Хотя параграф 119 «Устава» четко определял обязанности степной думы: «1) в народоисчислении; 2) в раскладке сборов; 3) в правильном учете всех сумм и общественного имущества; 4) в распространении земледелия и народной промышленности; 5) в ходатайстве у высшего начальства о пользах родовичей» [17], на практике даже в момент образования СД на них были возложены гораздо более широкие полномочия.

Таблица 1¹

Степные думы	Структура	Функции	Практика
<p><i>Буряты западные</i></p> <p>1. Аларская (1824–1889 гг.) 2. Балаганская (1824–1890/99 гг.) 3. Идинская (1824–1886/87 гг.) 4. Кудинская (1824–1890 гг.) 5. Верхоленская (1824–1888/99 гг.) 6. Ольхонская (1824–1888/90 гг.) 7. Тункинская (1824–1889 гг.)</p> <p><i>Забайкалье</i></p> <p>8. Кударинская (1824/25–1903 гг.) 9. Баргузинская (1824–) 10. Селенгинская (1825–) 11. Хоринская (Анинская) (1822–1904 гг.) 12. Агинская (1839–1901/1904 гг.)</p>	<p>Тайша – главный родоначальник</p> <p>Два помощника</p> <p>Заседатели Головы</p>	<p>- «Народоисчисление»; - раскладка сборов внутри ведомства; - учет всех сумм и общественного имущества; - «распространение земледелия и народной промышленности»; - ходатайство у высшего начальства о пользе родовичей; - исполнение его предписаний</p>	<p>Расширение функций, включая управление и суд.</p>
<p><i>Хакасы</i></p> <p>1. Качинская/Абаканская (1823–1854 гг. по др. свед. – до 1855 или 1864 гг.) 2. Койбальская (до 1858 г.) 3. Сагайская /соединенных разнородных племен (?) (1823–) 4. Кызыльская (до 1893 г.)</p>	<p>Глава СД – «родоначальник»</p> <p>Члены – все «башлыки» («пастых») управ</p> <p>Выборные заседатели</p>	<p>- Забота о хозяйственном развитии объединяемых родов; - учет населения, его имущества; - определение доли общественных повинностей при распределении их между административными родами; - ходатайства пред властями об удовлетворении нужд «кочевого» населения</p>	<p>Расширение прав СД – придание им прерогатив судебных органов</p>
<p><i>Якуты</i></p> <p>1. Якутская (1827–1838 гг.)</p> <p>2. Мархинская (!?) не была учреждена</p>	<p>Главный родоначальник, 7 «непременных заседателей», 7 «временных заседателей», письмоводитель</p>	<p>- Постоянное исчисление населения; - раскладка сборов; - правильный учет сумм и имущества обществ; - распространение земледелия и других производств; - ходатайство перед высшим начальством о нуждах своих сородичей</p>	<p>Изначально Якутской СД были приданы широкие полномочия вплоть до придания ей функцией третьей степени судебной власти</p>
<p><i>Эвенки вост. Забайкалья</i></p> <p>Урульгинская</p>	–	–	–

¹ Составлена на основании следующих источников: [4; 7, с. 333; 8, с. 224; 10, с. 254; 13, с. 402–403; 14, с. 166].

Раньше всех степные думы были созданы у бурят. Например, Хоринская стала действовать уже в 1822 г. В ближайшие 2–3 года были открыты остальные думы. У хакасов они возникли почти одновременно. Абаканская СД учреждается в 1823 г. По-видимому, СД забайкальских тунгусов была создана одновременно с бурятскими. Якутская СД открылась в 1827 г.

При этом в ведении хакасских СД оказалось несколько тысяч душ мужского пола (см. табл. 2). Самые крупные из них управляли менее чем 10 тыс. чел. Значительно многочисленнее были бурятские СД. По-видимому, в среднем каждая дума у них имела в своем ведении столько же населения, что и самая крупная хакасская СД. Самое многочисленное ведомство Хоринской СД по данным 1843 г. насчитывало 32 542 чел., из которого в 1837 г. выделилось самостоятельное ведомство Агинской СД численностью 16 тыс. чел. У нас, к сожалению, нет прямых сведений о Урульгинской СД, но, по всей видимости, она сопоставима с СД хакасов и бурят. В Забайкалье в 1840 г. жило 15 220 эвенков, большинство которых проживало в Восточном Забайкалье. Из них 2305 человек кочевало в бассейне Селенги и у восточных берегов Байкала [8, с. 193]. Что касается Якутской СД, то под ее контролем оказалось население, насчитывавшее почти 100 тыс. чел. из 152 530 чел., т. е. около 2/3 якутов. Другими словами, это население небольшого государства в Европе или ханства в Средней или Центральной Азии. Если принимать в расчет территорию, которую охватила своей деятельностью Якутская СД, то нужно представить себе размеры бывшего Якутского округа, охватывавшего современные центральные улусы Республики Саха (Якутия). Это примерно территория, равная более 170 тыс. км².

Таблица 2¹

Степная дума	Численность подведомственного населения (чел.)
<i>Буряты</i>	
Хоринская	32 542 (1843 г.)
Селенгинская	19 787 (1830 г.)
Балаганская	16 346 (1853 г.)
Агинская	16 000 (1837 г.)
Идинская	12 361 (1824 г.)
Кудинская	12 010 (1829 г.)
Тункинская	11 519 (1860-е гг.)
Аларская	10 773 (1855 г.)
Верхоленская	8930 (1810 г.)
Ольхонская	5324 (1840 г.)
Баргузинская	4553 (1824 г.)
Кударинская	4308 (1832 г.)
<i>Хакасы</i>	
Кызыльская	2397 м. д. ² (1820-е гг.)
Качинская	3820 м. д. (1820-е гг.)
Койбальская	594 м. д. (1820-е гг.)
Соединенных племен/Сагайская	ок. 3780 м. д. (1820-е гг.)
<i>Эвенки</i>	
Урульгинская	более 12 000 (1840 г.)
<i>Якуты</i>	
Якутская	95 383 (1820-е гг.)

¹ Источники: [1, с. 152; 4, с. 31, 50; 8, с. 193; 10, с. 263, 277, 292; 11, с. 37–39; 12, с. 144, 149, 152, 154, 156, 160, 163].

² М. д. – мужских душ, учтенных ревизиями.

Система, которую разработали создатели «Устава», ориентируясь на бурятские общественные порядки, не вполне соответствовала якутским реалиям. Начать хотя бы с того факта, на который обратили внимание сами якуты в своих «записках» 1820-х гг., адресованных иркутской администрации. Якутский улус не мог состоять из 15 семейств, как это было прописано в «Уставе» (§ 94). Более того, якутский наслег не соответствовал понятию «род» [15, с. 687]. По «Уставу» несколько, например, бурятских улусов составляли инородную управу. А между тем, у якутов роды объединялись в наслеги – территориальные группировки, насчитывавшие от нескольких сот до 1,5 тыс. чел. и более, а те в свою очередь, соединившись, образовывали улус.

Таким образом, бурятские инородные управы представляли собой подразделение, объединявшее группу родовых групп. Если взглянуть на якутскую систему самоуправления, то сразу видно, что средоточие всех общественных связей аккумуляровалось на наслеге.

У хакасов, так же как у бурят, 10 и более семей-юрт образовывали улус во главе со старшинами, которые в свою очередь составляли волости или аймаки, но они тоже назывались улусами, а в качестве административной единицы они фигурировали как «роды» во главе с башлыками [10, с. 239].

Выходит, что фактически бурятские и хакасские СД соответствовали по своим размерам и внутренней структуре якутским инородным управам. Образование же, подобное Якутской СД, представляло собой нонсенс (некий левиафан в достаточно стройной системе самоуправления, порожденной «Уставом»), который и вызвал такую резкую негативную реакцию правительства впоследствии.

В организации дум большую роль сыграли либеральные чиновники, благодаря Г. С. Батенькову занимавшие высокие административные посты, такие как начальник Якутской области Н. И. Мягков и губернатор вновь образованной Енисейской губернии А. П. Степанов. Первый начал с того, что отстранил от своих должностей некоторых наиболее реакционных чиновников областного управления и приблизил видных деятелей якутского самоуправления И. Е. Мигалкина и Н. О. Рыкунова, которые фактически стали его советниками. Он составил «Правила для единообразного учреждения порядка по управлению родовых и инородных управлений Якутского округа» [16, с. 57–63]. Схожий характер носит «Наставление Степной думе койбальских племен» А. П. Степанова. Более того, СД у хакасов были созданы по настоянию А. П. Степанова, в обход «Устава», который специально предварительно отобрал у хакасов общественные приговоры с просьбой об их учреждении [10, с. 255–256]. Вполне вероятно, что успешный опыт хакасов придал сил якутским депутатам И. Мигалкину, С. Кириллину и Н. Рыкунову, бывших в Иркутске в 1824 г., ходатайствовать об учреждении СД в Якутске, а Н. И. Мягкову – основания поддержать это начинание.

Среди среднего и низшего звена чиновничества также было немало либерально настроенных людей: помощник Н. И. Мягкова Ф. П. Булатов, чиновник по особым поручениям Якутского областного правления А. Я. Уваровский, глава Минусинского округа А. К. Кузьмин, А. И. Мартос (оба вошли

в губернский комитет для разработки степных законов), Н. А. Степанов – сын енисейского губернатора, В. И. Соколовский [10, с. 256; 11, с. 103–104].

Деятельность СД суммарно охватывала три направления: административное (народоисчисление, раскладка ясака и повинностей, законодательная, судебная), экономическое (земельная политика, земледелие, запасные магазины, торговля, извоз), социально-культурное (образование, здравоохранение, благотворительность). По первому направлению СД исправно выполняли учет населения, участвуя в проведении ревизий, и представляя ежегодные отчеты властям. Фонды СД в Бурятии до сих пор являются ценнейшими источниками по исторической демографии. С первых же дней работы СД раскладка ясака и повинностей была одной из их главных забот. Вместе с тем следует отметить, что хотя Вторая ясачная комиссия (1828–1835 гг.), с которой СД активно сотрудничали, добилась успеха – размеры собранного ясака увеличились, но СД проявили большую самостоятельность в земельном вопросе [22]. В частности, именно сопротивление Якутской СД требованиям Комиссии стало одной из причин ее ликвидации. Якутские тойоны не хотели менять сложившуюся соболино-лисью систему распределения земли. Также СД организовала поиск новых пригодных для скотоводства и земледелия земель на окраинах якутской области, что тоже вызвало негативную реакцию царских властей.

Деятельность Якутской СД, по мнению специалистов, инициировала популярную практику спуска озер для «умножения чрез то сенокосений», ведь освободившиеся при этом угодья отдавались на 40-летнее пользование тем, кто провел данное мероприятие [16, с. 90].

Перевод грузоперевозок с принципа извозной повинности на подрядную основу, который осуществился в полной мере именно в годы существования Якутской СД, как подчеркивают многие исследователи [16, с. 94–114], сыграл важную роль во втягивании края во всероссийский рынок и укреплении позиций России на тихоокеанском побережье

Самыми заметными делами стали мероприятия в области законодательной деятельности, и это несмотря на отсутствие соответствующих полномочий у СД. Несколько десятилетий продолжалась борьба за утверждение «степных законов» в том виде, в котором они были разработаны инородческими депутатами в бытность М. М. Сперанского генерал-губернатором Сибири. До присоединения к России народы Сибири не знали письменных законов. Общественная жизнь регулировалась на основе обычаев, передававшихся устно из поколения в поколение. С течением времени эти традиционные нормы, правила поведения, взаимоотношения внутри рода и т. д. приняли нормы права. Кодификацию норм обычного права народов Сибири и предусматривал Устав Сперанского. Сама идея кодификации отражала существующее на тот момент стремление правительства в своей практике взаимоотношения с сибирскими «инородцами» учитывать традиционные институты власти аборигенов, их права и обычаи. Полное подчинение народов Сибири действию общероссийского законодательства авторам Устава казалось абсолютно невозможным.

Началом работ по кодификации стало распоряжение губернской администрации о переводе Устава Сперанского на «иностранческие» языки. Затем в губернских городах были образованы специальные комитеты по сбору сведений о юридических нормах аборигенов. Сбор сведений осуществлялся в соответствии с программой, разработанной в Петербурге. В качестве информаторов выступали представители родовой знати. По полноте собранных сведений выделяется проект Иркутской губернии, который в первоначальной редакции насчитывал 844 параграфа и подразделялся на 52 главы. В 1825 г. все собранные материалы были представлены на обсуждение в Сибирский Комитет. Дальнейшая судьба идеи кодификации норм обычного права «иностранцев» весьма показательна. Она свидетельствует о противоречивости взглядов, существовавших в высших правительственных инстанциях на будущее Сибири и ее населения в составе империи. По сути дела, споры велись о путях инкорпорации Сибири в общероссийскую государственную и экономическую систему. Камнем преткновения стал вопрос о земле. Чиновники второго отделения императорской канцелярии настаивали на включении в проект положения о признании верховных прав казны и Кабинета на иностранческие земли. Противоположного мнения придерживался начальник этого отделения Д. Н. Блудов. Опасаясь возможных волнений аборигенов в далекой и пока плохо управляемой Сибири, он предложил исключить это положение из проекта свода законов. Правительство всерьез волновала и теоретическая возможность перекочевки части приграничных племен в Монголию и Китай. Это заставляло сановный Петербург с особой осторожностью рассматривать все проекты, касающиеся «окраинных» народов.

Вопрос о кодификации норм обычного права народов Сибири в высших правительственных сферах – Императорском кабинете, Императорской канцелярии, Государственном совете – обсуждался вплоть до конца 40-х гг. XIX в. В конечном итоге в 1847 г. правительство признало, что кодификация норм обычного права народов Сибири в том виде, как это предусматривал в 1822 г. Сперанский, будет «не полезным, а вредным». Она послужит лишь консервации наиболее отсталых юридических норм и родовых традиций аборигенов. За четверть века, прошедших со времени принятия Устава, поток русских переселенцев в Азиатскую Россию существенно увеличился. Под влиянием контактов с русским населением в хозяйственной, общественной жизни и быту народов Сибири наметились значительные изменения. На это прямо указал вновь назначенный генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев, предложивший управление «иностранцами» подчинить общеимперскому законодательству. В середине XIX в. обычное право для большинства народов было уже пройденным этапом. Сибирь все больше превращалась в край сплошной крестьянской колонизации. Правительство постепенно склонялось к мысли о необходимости ускорения темпов интеграции русского и коренного населения Сибири. Разногласия касались лишь вопроса о том, как эту меру осуществить.

Заметное место в деятельности бурятских СД кроме сбора податей и исполнения повинностей занимали развитие земледелия, содержание больниц,

школ, запасных магазинов, благотворительность. Некоторые СД сдавали общественные земли в аренду русским мещанам, выплачивали стипендии учащимся различных школ в сибирских городах, выписывали российские газеты [4, с. 38–67]. Известно также, что в 1841 г. СД Хакасии приняли активное участие в сборе добровольных взносов на открытие уездного училища [11, с. 191]. Специальный пункт об открытии казенного училища в Якутской области содержался в наказе якутским депутатам, избранным для поездки в столицу на встречу с императором Николаем I.

Причины закрытия СД Сибири раскрывают их историческое место в истории России. По мнению Н. П. Ерошкина, «некоторые степные думы попытались превратиться в органы местного феодального самоуправления, что вызвало закрытие якутских степных дум (1838)» [18, с. 827]. Ранее исследователь высказывался более категорично. Он писал: «Якутская феодальная верхушка (тойоны) пыталась использовать степную думу для противодействия мероприятиям правительства, связанным с переделом земель в Якутии. Эти попытки якутской степной думы и феодальной знати играть более самостоятельную роль и противопоставлять себя царской администрации вызвали упразднение якутской степной думы в 1838 г.» [5, с. 66]. Как показывают материалы, представленные выше, деятельность Якутской СД стала первой попыткой инородческого народа приобщиться к ценностям общероссийского цивилизационного порядка (государственное управление в административной, законодательной и судебной сферах, рынок, развитие системы образования и т. д.).

Постепенное закрытие СД в Хакасии и Бурятии соотносится с эпохальными этапами в развитии системы управления и экономических процессов пореформенного периода России. С одной стороны, многие составляющие феномена СД восходили к традиционным нормам, что способствовало сохранению национального своеобразия народов и в известной мере консолидировало их, с другой, в нем нашли отражения либеральные идеи России начала XIX в. (через авторов «Устава» 1822 г.), открывшие простор для развития предпринимательства и рыночных отношений среди названных народов. Таким образом, в имперской административной практике в Сибирском регионе применительно к коренному населению на протяжении всего рассматриваемого периода можно наблюдать эволюцию прямого колониального правления к системе управления, основанной по крестьянскому образцу. В конце XIX в. в противовес регионализму М. М. Сперанского на основе осуществления идеи необходимости единства Российской Империи возникает замысел ликвидации сословия «инородцев» как такового. В данном случае стратегические цели империи по экономической, политической и социокультурной интеграции народов Сибири в состав национального российского государства не только сливались и взаимно дополняли друг друга, но и приобретали новые очертания. Основным содержанием их стали ясно видимые русификаторские черты.

1. Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии : в 2 т. Т. 2 / Г. П. Башарин. – М., 2003.
 2. Борисов А. А. Деятельность Якутской Степной думы в контексте общероссийских тенденций в организации управления первой половины XIX в. // Якутская Степная дума – первый опыт областного самоуправления : материалы науч. конф. (3 апреля 2007 г.) / отв. ред. А. А. Борисов. – Якутск, 2007.
 3. Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.) / И. Л. Дамешек, Л. М. Дамешек. – Иркутск, 2009.
 4. Даржаев С. Ю. Степные Думы – органы самоуправления бурят в Российском государстве / С. Ю. Даржаев. – Улан-Удэ, 2001.
 5. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений России до Великой октябрьской социалистической революции. Вып. 3. Государственные учреждения России в дореформенный период (1801–1861 гг.) / Н. П. Ерошкин. – М., 1957.
 6. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. – М., 1983.
 7. История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. – Улан-Удэ, 1951.
 8. История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. – Изд. 2-е. – Улан-Удэ, 1954.
 9. История Сибири : в 5 т. Т. 2. – Л., 1968.
 10. История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. – М., 1993.
 11. Карцов В. Г. Хакасия в период разложения феодализма. XVIII – первая половина XIX вв. / В. Г. Карцов. – Абакан, 1970.
 12. Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа. От XVII до 60-х гг. XIX в. : очерки / Ф. А. Кудрявцев. – М. ; Л., 1940.
 13. Левенталь Л. Г. Подати, повинности и земля у якутов // Материалы по обычному праву и общественному
1. *Basharin G. P.* The history of agrarian relations in Yakutia in two volumes / G. P. Basharin. – Vol. 2. – M., 2003.
 2. *Borisov A. A.* The activity of Yakut Steppes Duma in context of common Russian tendencies in the government organization in the second half of XIX c. // Yakut Steppes Duma – the first experience of the regional self-government. The scientific conference materials (April, 3, 2007) / Chief Ed. by A. A. Borisov. – Yakutsk, 2007.
 3. *Dameshek I. L.* Siberia in the Empire regionalism system (1822–1917-s) / I. L. Dameshek, L. M. Dameshek. – Irkutsk, 2009.
 4. *Darzhayev S. Y.* Steppes Dumas – The Buryat structures of self-government in Russia Federaation / S. Y. Darzhayev. – Ulan-Ude, 2001.
 5. *Eroshkin N. P.* The history of public institutions in Russian before the Great October Socialist revolution. Iss.3. Russian public institutions in pre-reforms period (1801–1861-s) / N. P. Eroshkin. – M., 1957.
 6. *Eroshkin N. P.* The history of public institutions in pre-revolutionary Russia / N. P. Eroshkin. – M., 1983. – P. 187–188.
 7. The History of Buryat-Mongolian ASSR. – Ulan-Ude, 1951. – Vol. 1.
 8. The History of Buryat-Mongolian ASSR. – 2nd ed. – Vol. 1. – Ulan-Ude, 1954.
 9. The History of Siberia in 5 volumes. – L., 1968. – Vol. 2.
 10. The History of Khakassia from ancient times up to 1917. – M., 1993.
 11. *Kartsov V. G.* Khakassia in the period of feudalism disintegration. XVIII c.-1st half of XIX c. / V. G. Kartsov. – Abakan, 1970.
 12. *Kudryavtsev F. A.* The History of Buryat-Mongolian people. From XVII c. up to 1960-s: putlines / F. A. Kudryavtsev. – M. ; L., 1940.
 13. *Levental L. G.* Taxes, duties and the land in Yakuts possession // Materials

быту якутов. – Л., 1929.

14. *Мамышева Е. П.* К вопросу о формировании органов самоуправления сибирских инородцев (на примере минусинских и ачинских «инородцев» енисейской губернии // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века. – Новосибирск, 2007.

15. *Пекарский Э. К.* Материалы по якутскому обычному праву (три документа) // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л., 1925. – Т. 5.

16. *Петухова З. И.* Якутская Степная Дума (1827–1838 гг.) / З. И. Петухова. – Якутск, 2007.

17. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 38. – СПб., 1830. – № 29126.

18. Советская историческая энциклопедия. – М., 1971. – Т. 13.

19. *Дамешек Л. М.* Интеграция Сибири в России как компонент государственной национальной политики // Этнокультурное взаимодействие в Сибири : тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. 19–20 июня 2003 г. – Новосибирск, 2003.

20. Об этом подробнее см.: *Дамешек Л. М.* Внутренняя политика царизма и народы Сибири XIX – начала XX вв. / Л. М. Дамешек. – Иркутск, 1986.

21. О сибирских реформах М. М. Сперанского см.: М. М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма. – Иркутск, 2003.

22. Подробнее см.: *Дамешек Л. М.* Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. / Л. М. Дамешек. – Иркутск, 1983.

on common law and public life of Yakuts. – L., 1929.

14. *Mamysheva E. P.* On the issue of formation of structures of self-government of Siberian peoples (by the example of Minusinsk and Achinsk Nomad peoples of the Eniseysk province) // The role of the State in the economic and social-cultural development of Asian Russia in XVII – the beginning of XX c. – Novosibirsk, 2007.

15. *Pekarskiy E. K.* Materials on Yakut common law (three documents) // Collection of the Anthropological and Ethnographical Museum. – L., 1925. – Vol. 5.

16. *Petukhova Z. I.* The Yakut Steppes Duma (1827–1838-s) / Z. I. Petukhova. – Yakutsk, 2007.

17. A complete set of laws of the Russian Empire. – SPb., 1830. – Vol. 38. – N 29126.

18. The Soviet historical encyclopedia. – M., 1971. – Vol. 13.

19. *Dameshek L. M.* Integration of Siberia in Russia as the state policy component // Ethno-cultural interaction in Siberia. The international scientific conference reports and presentations theses. July, 19–20, 2003. – Novosibirsk, 2003.

20. For further details see: *Dameshek L. M.* Interior policy of tsarizm and the Siberian peoples in XIX – the beginning of XX c / L. M. Dameshek. – Irkutsk, 1986.

21. On the Speranskiy's Siberian reforms see: М. М. Сперанский: Siberian variant of the Empire regionalism. – Irkutsk, 2003.

22. For further details see: *Dameshek L. M.* The Yasak policy in Siberia in XIX – the beginning of XX c. / L. M. Dameshek. – Irkutsk, 1983.

Siberian Steppes Dumas: Historical Experience in Self-Administration within the Empire Government System

A. A. Borisov, L. M. Dameshek

*Institute of humanities researches and issues
of the indigenous scanty peoples of the North of SB RAS, Yakutsk*

Irkutsk State University, Irkutsk

The article considers in terms of comparative-historical aspect the special forms of native self-government – steppes dumas – of the Buryats, Khakasses, Yakuts, Evenks of Transbaikalia prevailed in Siberia in 1822–1904. The general and particular features of their formation, structure, function as well as the causes of their elimination are revealed. The historical value of the steppes dumas in Siberia is shown.

Key words: government and self-government of indigenous peoples of Siberia, reforms, “The Charter of indigenous peoples government, 1822”, steppes dumas, formation conditions, structure, historical value.

Борисов Андриан Афанасьевич – доктор исторических наук, гл. науч. сотр. Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, e-mail: a_a_borisov@mail.ru

Дамешек Лев Михайлович – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России исторического факультета Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: info@ipkro.isu.ru

Borisov Andrian Aphanasievich – Doctor of Historical Sciences, chief scientific associate, the Institute of humanities researches and issues of the indigenous scanty peoples of the North of SB RAS, Yakutsk, e-mail: a_a_borisov@mail.ru

Dameshek Lev Mikhailovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, the Faculty of History, the Irkutsk State University, Irkutsk, e-mail: info@ipkro.isu.ru